

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В 2015 году вышла в свет книга «Корни сталинского большевизма». Сегодня можно сказать, что она привлекла внимание в читательских кругах: тираж уже превысил планку в десять тысяч экземпляров и продолжает допечатываться. Проявленный интерес не случаен, поскольку перед нами попытка разобраться в бурных перипетиях нашего прошлого, исходя из разлома второй половины XVII века. Сквозь призму той катастрофы наша история предстает иначе, чем в отшлифованных карамзинских творениях, возведенных романовской пропагандой в ранг хрестоматийных.

О последствиях тех масштабных религиозных потрясений разговор начинался в монографии «Грани русского раскола». На протяжении XVIII–XIX столетий социальная «энергетика» этих последствий ощущалась в латентных (скрытых) формах, что категорически отрицал дореволюционный официоз. Власть и церковь изо всех сил изображали народное единение вокруг трона и алтаря. Не участвовавших в этом «благом» действии окрестили маргиналами, отказывали им в праве именоваться русскими. После 1917 года вся эта «идиллия» рухнула как карточный домик. То, с какой легкостью канула в небытие «народная» монархия и посыпалась еще более «народная» церковь, впечатляет и спустя столетие.

Труд «Корни сталинского большевизма» дает ответы, почему так произошло. Причины — не в происках инородцев, не в коварстве чужеземных сил, а в особенностях отечественного исторического процесса. Вышедшая из горнила религиозного раскола действительность сформировала слои с диаметрально противоположными жизненными принципами — экономическими, культурными, духовными. Конфликт населения, задавленного государством и церковью, и торжествующих верхов всегда тлел в глубинах российского общества, причем он был окрашен еще и религиозно. Увидеть это мешала статистика, по которой староверов насчитывалось в стране около двух процентов, что надежно прикрывало подлинную ситуацию. Перелом произошел после 1917 года, порожденного внутриэлитными противоречиями. Это стало своего рода детонатором взрыва, снесшего российскую империю и церковь.

Одной из важных заслуг книги можно считать «разогрев» широкого интереса к староверию. Долгое время о нем вообще не было принято говорить — ни дореволюционная, ни советская наука не баловали его своим вниманием. Да и сегодня им занимается лишь узкий круг специалистов, изучающих, главным образом, филологические, религиозные, краеведческие аспекты. Требовалось поднять эту проблематику на более высокий уровень. Показать, что, вопреки устоявшемуся мнению, староверие — это не «этнографическое дупло», затянутое паутиной, а магистральная дорога отечественной истории. Правда, загроможденная разнообразным мусором, из-за чего всем нам настойчиво предлагают «удобные» объездные пути.

Удивляет, что некоторыми, даже подготовленными людьми идеи книги встречены неоднозначно. Взаимосвязь староверия и советского проекта воспринимается ими буквально. В силу каких-то причин оказалось довольно трудно уяснить, что речь идет не о практикующих староверах, а о выходах из этой профессиональной общности. В новом, уже нерелигиозном качестве это не могло не наложить отпечатка на представления, ментальность и поведение людей из рабоче-крестьянских слоев, ставших опорой советской власти. Без учета этого обстоятельства смыслы, заложенные в книге, уловить нелегко, если вообще возможно.

Кроме того, раскрытие советского проекта как естественного развития народного духа раздражает многих. В данном случае «многие» — это и есть инородческие силы разного пошиба, претендующие на власть, а точнее — на дальнейшее разорение нашей родины. Прежде всего, речь идет о либеральной общественности, группирующейся вокруг известных средств массовой информации и нескольких высших учебных заведений. В этой среде жгучую ненависть вызывают работы, где не очерняется имя Сталина или позитивно говорится об СССР. Цель либералов — вытолкнуть Россию на глобальные просторы, растворив ее в горниле транснациональных корпораций, правящих миром.

Не меньшую злобу изливают церковные круги. В этом нет ничего удивительного, поскольку именно они специализируются на приватизации имиджа истинных патриотов. Высвечивание того, что эта церковь была подброшена на нашу землю с запад-

ной стороны и с очевидными захватническими целями, приводит их в ступор. Отсюда один шаг до обнародования фактов массового геноцида против народов России, в первую очередь, русского, развязанного домом Романовых вкуче с РПЦ, чего монархисты и архиереи истерично опасаются.

Нужно сказать и о походе, открытом против «Корней сталинского большевизма», нынешними троцкистами. Их предводители зримо почувствовали угрозу своим идеологическим позициям. Эти «благодетели» левого движения стремятся замазать конфликты в ВКП(б), завершившиеся устранением их «троцкистской родни». Как ранее последние прикрывались Лениным, так и современные их последователи пытаются прикрыться Сталиным, тем самым оторвав его от российской почвы. Задача сегодняшних троцкистов неизменна: накачать левое движение инъекциями все того же оголтелого глобализма, используя для этого, в отличие от либералов, «небуржуазную» упаковку и социалистическую риторику.

Таким образом, очерчивается устойчивый антироссийский фронт, состоящий из либералов, церковников, троцкистов. Общее между ними — чужеземная родословная, стремление использовать нас для своих идеологем, никак не связанных с жизненными интересами коренных людей. Противостоять этим инородческим силам и примкнувшим к ним местным элементам можно, лишь опираясь на «центр тяжести», находящийся в нашей земле. Не западные имитации, не монархические вопли или троцкистский угар, а народ, впервые в мире завоевавший право строить жизнь в соответствии со своими представлениями — вот ось, вокруг которой должна возрождаться Россия. Надеемся, настоящая книга внесет в это дело свой посильный вклад.

Глава I

ВНЕЦЕРКОВНОЕ ПРАВОСЛАВИЕ РУССКОГО НАРОДА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Название главы, открывающей книгу, у многих вызовет недоумение. О каком собственно внецерковном православии может идти речь? Каждому хорошо известно: распространение русского православия происходило в церковных формах и неразрывно связано исключительно с ними. Если сказать иначе, то вне церковной традиции никакого православия никогда не было и быть не могло.

Конечно, на разных этапах исторического пути России, начиная с периода после монгольского завоевания, неизбежно возникали и существовали различные религиозные движения. Их описание достаточно полно представлено в литературе¹. Эти ереси, подвергавшие сомнению церковную доктрину, подпитывались чуждыми религиозными источниками и неизменно рассматривались в качестве отклонений, утративших связь с истинной религией русского народа. С этой точки зрения разговор о существовании православия вне церкви представляется лишенным какого-либо смысла. Причем оторвавшихся от церковно-православных форм РПЦ даже отказывалась идентифицировать в качестве этнических русских.

Вне всякого сомнения, данный взгляд имеет глубокие исторические корни. Само становление Московского государства, формирование русского социума происходило на базе широкого религиозно-общественного движения, неотъемлемой частью которого являлась православная церковь. Как справедливо замечено, в те далекие времена национальная консолидация, религиозная по своему характеру, осуществлялась *«не во имя*

¹ Русское православие: вехи истории / под ред. А.И. Клибанова. — М., 1989. — С. 562–611.

совместной защиты своих частных интересов и даже не во имя защиты своего строго ограниченного этноса, ведь он еще не сложился». Люди «объединялись во имя защиты христианского начала, поскольку именно это было на тот момент единственным основанием, позволявшим отличать «своих» от «чужих»¹. Русское православие, а не геополитические причины, экономические интересы и уж тем более не повышенная захватническая агрессивность московских князей, стало фундаментом возвышения Северо-Восточной Руси в XIV веке и затем образования огромного по территории государства².

Однако церковное православие, как ось, вокруг которой строилась русская государственность и жизнь народа, не смогло выдержать надлома, произошедшего в течение второй половины XVII столетия. Реформа богослужения, предпринятая патриархом Никоном при мощной поддержке властей, вызвала небывалые волнения чем-то напоминающие «смутное время» с польско-литовской интервенцией начала века. Изменение религиозного обихода по греческим образцам вызвало неприятие у значительной части населения. Простые русские люди, не отягощенные, в отличие от верхов, имперскими амбициями, отвергали навязывание подобных новшеств. Главная причина отторжения заключалась в том, что эти новшества расценивались как ущемление старины, попадающей под чуждую религиозную унификацию. Напомним, репутация греков в XVI — начале XVII веков находилась на крайне низком уровне. Константинопольская Вселенская церковь стала «полем» противоборства иезуитов и протестантов за влияние, велась едва прикрытая торговля патриаршим престолом и церковными должностями³.

Не удивительно, что авторитет этого религиозного центра был основательно подорван. Литературные памятники старообрядческой мысли второй половины XVII века подробно раскрывают суть претензий к навязанной сверху церковной реформе⁴,

¹ Глинчикова А.Г. Индивидуализация личности в преддверии современности. — М., 2012. — С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Рансимен С. Великая церковь в пленении. История греческой церкви от падения Константинополя в 1453 году до 1821 года. — СПб., 2006. — С. 233–326.

⁴ Памятники старообрядческой письменности. — СПб., 1998.

тем более что последняя сопровождалась нашествием священнослужителей с Украины — выпускников местных духовных учебных заведений. Они энергично взялись наставлять «темных русских» в новой для них вере, заполучив на долгие десятилетия монополию на епископские кафедры РПЦ¹. Идеиное противостояние не ограничилось интеллектуальными спорами, быстро обретая силовой характер. Осада Соловецкого монастыря, бунт на Волге Степана Разина, стрелецкая «хованщина» в Москве — все это свидетельства борьбы, захлестнувшей Русь.

Эти трагические события явились не просто частью нашего прошлого и еще одной страницей отечественной истории, а стали кровотокающим надломом, разорвавшим общественные ткани той эпохи. В результате, Русская православная церковь, облаченная в «греческую веру», перестала восприниматься многими русскими людьми в качестве своей, родной. Не стоит говорить, насколько это впечатление усилило низведение церкви при Петре I на положение одного из государственных департаментов, выстроенного на чужеземный манер. Надо сказать, что именно император-преобразователь решил законодательно оформить взаимоотношения господствующей церкви и поверженной старой веры. Начало этому положил акт от 8 февраля 1716 года, установивший запись и двойное налоговое обложение раскольников. Тем самым, после десятилетий гонений и физического уничтожения, государство пошло на юридическую фиксацию их статуса, вновь подтвержденную затем указом от 16 октября 1720 года². По замыслам, предложенная легализация староверов должна была хоть как-то упорядочить в империи положение со старой верой на условиях властей. Однако эти надежды не сбылись: как известно, по указу от 8 февраля 1716 года в раскол записалось всего лишь около 191 тысяч человек³, что

¹ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 тт. Т. 2. — М., 2000. — С. 466.

² Указ «О хождении на исповедь повсягдно, о штрафе за использование сего правила, и о положении на раскольников двойного оклада». 8 февраля 1716 года // ПСЗ. № 2991. Т. 5. — СПб., 1830. — С. 196; Указ «О сборе с раскольников двойных податей». 17 октября 1720 года // ПСЗ. № 3662. Т. 6. С. 248–249.

³ Выписка из журнала Правительствующего Сената. 29 марта 1753 года // РГАДА. Ф. 342. Оп. 1.Д. 73. Л. 2.

составляло около 2 процентов плативших подать. Указ Петра имел еще одно важное значение — этим документом принадлежность к староверию определялась податными слоями, что исключало официальное пребывание в нем дворян и прочих служивых людей.

Говоря иначе, петровское решение юридически фиксировало разведение двух ветвей православия не только по вероисповедному, но и по социально-классовому признаку. Раскольничий мир прочно обосновывался в народных низах, стараясь минимизировать контакты со структурами империи. Стремление к закрытости объяснялось не только причинами административного давления, но и глубоким осознанием собственной правоты. За непроницаемой для других завесой было удобнее поддерживать свой жизненный уклад, основанный на вере предков, а не на «Табели о рангах».

Религиозный раскол надолго ушел из поля зрения и государственной администрации, не проявлявшей к нему интереса. Власти лишь изредка просматривали поступающие с мест сведения о числе староверов; по этим официальным данным их удельный вес среди населения империи не превышал те же 2 процента. А Екатерина II в 1782 году вообще сняла эту проблему, отменив их двойное налогообложение, что фактически означало ослабление учетных мероприятий¹. Образованные слои также не баловали старообрядцев вниманием. Достаточно сказать, что почти за полтора столетия существования раскола (к середине XIX века) в России не появилось и сотни посвященных ему книг и статей². А среди выходивших изданий преобладали богословские сочинения полемического характера, связанные с вопросами религиозного просвещения — различные «Доказательства», «Беседы», «Обличения» и т.п. Эта продукция синодальных типографий обычно активно скупалась и уничтожалась самими раскольниками³.

¹ Указ «О не собирании в казну двойного оклада с городских и сельских жителей». 20 августа 1782 года // ПСЗ. № 15473. Т. 21. — С. 634.

² Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. В 2 тт. Т. 2. — М., 2006. — С. 485.

³ Смирнов П. Литература истории и обличения старообрядческого раскола в XIX столетии // Христианское чтение. — 1901. — № 1. — С. 47.

Утвердившаяся конфессиональная разобщенность наложила неизгладимый отпечаток на развитие России, чья действительность коренным образом стала отличаться от европейских реалий. Напомним, завершение религиозных войн сопровождалось там разведением противоборствующих сторон по разные стороны государственных границ. В одних странах — в Италии, Испании, Австрии, Бельгии, Франции, Польше, Баварии и др. — оставалось католичество, в других — в Англии, Нидерландах, Швеции, Дании и целом ряде германских княжеств — возобладали различные протестантские течения. Таким образом, каждая страна являла собой, с конфессиональной точки зрения, практически однородное образование. Однако в России противостояние между приверженцами старого обряда и последователями патриарха Никона не привело к территориальному размежеванию. Получалось, что на географической карте страна по-прежнему была единой, а по сути — разделившись внутри себя, образовала два социума с различной социальной и культурной идентификацией. Вот это судьбоносное обстоятельство не было осмысленно ни властями, ни образованным обществом. Для них тема для размышлений попросту отсутствовала, поскольку предоставившиеся цифры о количестве раскольников не располагали к сколько-нибудь серьезному изучению их общности.

Вместе с тем в ней происходили важные процессы и, прежде всего, в конфессиональном отношении. Осмысляя произошедшее, религиозное сознание противников никоновских новин на протяжении XVIII столетия разрабатывало концепции наступления последних времен, пришествия антихриста, прекращения священства и т.д. Результатом работы старообрядческой мысли стало появление в расколе различных беспоповских течений, где наиболее полно выразилось неприятие государства и его церкви, а также радикализм при решении социальных и политических проблем. В народных слоях Нечерноземного центра России, Севера, Поволжья, Урала и Сибири прочно укоренились крупные ветви беспоповщины — поморцы, федосеевцы, спасовцы, филипповцы, бегуны-странники, часовенные и т.д. Отличаясь различными вероисповедными оттенками, эти течения сходились в общем: не имея никогда епископа, они категорически не приемли иерархии. Следствием этого стала утрата таинств, которые поначалу делились на «нужнопотреб-

ные» и «простопотребные», но затем ими или вовсе пренебрегли, или доверили совершение мирянам. В то же время, несмотря на такие кардинальные изменения богослужебной практики, беспоповцы оставались в полной уверенности, что пребывают в истинно русской вере; они активно использовали книги и иконы дониконовских времен¹. Разумеется, господствовавшая церковь крайне негативно относилась к подобным «православным», рассматривая их как отщепенцев, утративших всякую связь с литургией и предавших религиозные идеалы².

Между тем, отрешаясь от оценок синодального официоза, нельзя не признать, что в русском православии происходило формирование устойчивой внецерковной традиции, доселе действительно нетипичной для русского народа. Ее появление — это логичное следствие деформированности русского религиозного сознания, произошедшей после раскола. Представители беспоповских течений реализовывали духовные потребности уже исключительно вне церковных форм, потерявших в их глазах какую-либо сакральность. Однако в научной литературе утверждению понятия «внецерковное православие» препятствует ряд обстоятельств, на которых необходимо остановиться.

С внецерковностью связывали, в первую очередь, различные сектантские объединения, которые действительно не имели никакого отношения к православной традиции как таковой. Что же касается самого старообрядчества — части непосредственно православного мира, то его принято ассоциировать, прежде всего, с церковными староверами, то есть поповцами, сохранившими иерархию и таинства. От господствующей РПЦ последние отличались лишь тем, что апеллировали к древности и чистоте своих обрядов.

Наличие полноценной церковной инфраструктуры предопределяло поведенческую модель поповцев: практически все они находились на виду, будучи приписаны к разнообразным старообрядческим церквям и монастырям, где только и могли исполнять свой культ. С другой стороны, заботы о поддержании публичной церковной организации предполагали тесные контакты с властями (выдача разрешений, различные согласования

¹ История Русской церкви. Т. VIII. Ч. 2. — М., 1997. — С. 129.

² Там же.

и т.д.). Поповцы в силу своего существования не могли игнорировать регистрационные процедуры со стороны как гражданской, так и духовной администрации. Поэтому официальные реестры, учитывавшие раскольников, неизменно состояли, главным образом, из представителей поповского согласия. Беспоповцев там всегда значилось заведомое меньшинство. (Более свободное отправление религиозных нужд не требовало церковной инфраструктуры, а значит, и регистрация не являлась для них жизненно важной). Отсюда знакомство с официальной статистикой создавало однозначное впечатление, что среди староверов именно поповцев — подавляющее большинство. Этим фактом, никогда не ставившимся под сомнение, оперировала и продолжает оперировать историческая наука. Хотя в действительности все обстояло совершенно иначе.

Доля поповцев редко когда превышала 10 процентов от общего числа старообрядцев, остальные же относились к многочисленным беспоповским толкам. Однако имеющиеся в распоряжении исследователей документы свидетельствовали об обратном. Осознание данного обстоятельства затруднялось тем, что приверженцы беспоповщины не только не утруждали себя регистрацией, но и вообще, как правило, числились обычными синодальными прихожанами. В результате «силуэты» внецерковного православия на российском религиозном ландшафте были едва различимы. Существовая по факту, оно оставалось скрытым под завесой официальной статистики, на деле имеющей мало общего с жизнью.

О масштабах распространения внецерковного православия можно судить по исследованиям, изредка проводившимся царскими властями. Так, цикл изысканий по определению приблизительной численности староверов был предпринят в середине XIX века, когда комиссии МВД направлялись в различные губернии для сверки официальных данных с истинным положением дел. По итогам их работы власти пришли к выводу, что количество раскольников в 10–11 раз превышает заявленное в отчетах, хотя и эти цифры, по-видимому, не до конца отражали реальную ситуацию¹. Но самое интересное оказалось

¹ Мельников П.И. Числение раскольников // Русский вестник. — 1868. — № 2. — Т. 73. — С. 423–426.

в другом: выявленные массы неучтенных староверов, обеспечивших такой впечатляющий статистический скачок, оказались именно беспоповцами, лишь формально числившимися в лоне РПЦ¹.

Например, еще молодой И.С. Аксаков, участвовавший в обследовании Ярославской губернии, после поездок по уездам и селам был поражен тем, что везде «*почти все старообрядцы, да еще, пожалуй, беспоповцы*»². Хотя по документам местной администрации все кругом значились православными, да и само население при расспросах с готовностью подтверждало принадлежность к синодальной церкви³. Кстати, именно от Ярославской комиссии власти получили информацию о существовании согласия бегунов-странников, располагавших разветвленной сетью по всей стране⁴. В других поволжских губерниях было выявлено значительное количество спасовцев, как бы растворенных среди правоверной паствы. Известный знаток раскола П.И. Мельников-Печерский доводил их количество в середине XIX века до 700 тысяч человек. Как утверждали адепты этого старообрядческого согласия, истинное священство на Руси утрачено, а потому нет и никаких таинств; таинства, связанные с РПЦ, якобы только пустая форма, в них даже можно принимать участие; спасение же дается только по Божьей милости⁵.

Кстати, признание неоднородности российской конфессиональной среды проясняет поток нескончаемых следствий и дознаний о переходе из православия в раскол, материалы которых в немалом количестве содержатся в российских архивах. И дело здесь не в падении нравов или в чем-то подобном, как обычно считалось, просто каждый беспоповец, формально крещенный в РПЦ, по жизни сторонился церкви, периодически навлекая на себя, при неисправной плате попам, доносы

¹ Фукс В. Записка «Раскол в России», подготовленная для великого князя Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 346.

² Иван Сергеевич Аксаков в его письмах // Собрание писем в 3 т. Т. 2. — М., 1888–1889. — С. 181.

³ Там же. С. 185.

⁴ Об открытии в Ярославской губернии новой раскольничьей секты // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 31. — С. 171–173.

⁵ История Русской православной церкви. Т. VIII. Ч. 2. — С. 128–129.

об уклонении в раскол, в котором собственно и находился с самого рождения¹.

На огромное количество беспоповцев, числившихся в синодальном православии, указывают многие источники, имеющиеся в нашем распоряжении. Так, московский купец 2-й гильдии Н.М. Чукмалдинов, родившийся в крестьянской семье близ Тюмени, вспоминал, что в его родном селе Кулаковке большинство населения принадлежало к федосеевскому и филипповскому соглашениям (хотя по церковным записям подавляющее большинство числилось православным). Сам Чукмалдинов обучался грамоте у филипповского наставника, к которому его отвели родители². Церковные обряды (крещение, венчание и т.д.) вся эта якобы синодальная паства исполняла только в тех случаях, когда невозможно было от них уклониться, в повседневной же жизни влияние местного духовенства на жителей оставалось практически незаметным. Для священников РПЦ все старообрядцы, значившиеся православными, представляли статью дохода, время от времени оплачивая номинальные пасторские труды³.

Писатель Н.П. Белдыцкий в 80-х годах XIX века путешествовал по Чердынскому уезду Пермской губернии. В ходе поездки ему довелось побеседовать с одним из местных сельских священников о. Дмитрием. Тот жаловался на неприязненное отношение со стороны местного населения, в основном состоявшего из приверженцев беспоповского раскола: церковь они посещают неохотно; «стоят без всякого благоговения, а потом смеются»; таинств не признают; к священникам относятся непочтительно, считая их слугами антихриста. На вопрос, что же у них за вера, отвечают: их вера христианская — лучше церковной⁴. Схожая ситуация наблюдалась в Ковровском уезде Владимирской губернии. С середины 1860-х годов там по метрическим книгам значилось лишь 286 старообрядца; этими данными опе-

¹ Фукс В. Записка «Раскол в России», подготовленная для великого князя Константина Николаевича // ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 346.

² Чукмалдинов Н.М. Мои воспоминания. Ч. 1. — СПб., 1899. — С. 16.

³ Там же.

⁴ Белдыцкий Н.П. В парме // Очерки северной части Чердынского уезда. — Пермь, 1988. — С. 363–365, 373.

рировали в своих трудах и современные исследователи¹. Однако, по признаниям епархиальных священников Ковровского уезда, *«прихожане вообще тут ревнителю мнимой старины и, несмотря на пастырские увещевания, они все знаменуют себя двуперстным перстосложением»*². Или, например, в отчете Тульской епархии в Синод за 1900 год говорится об уездном городе Одоеве, где в первой половине XIX века было сильно раскольничье влияние. К концу же столетия подавляющее большинство жителей уже числились православными, но, тем не менее, продолжали придерживаться двуперстия. Те же немногие, кто официально числился раскольниками, вели довольно замкнутый образ жизни, старались не попадаться на глаза местным властям и духовенству. Однако по праздникам при хождении со святым крестом по домам православный притч постоянно встречал этих староверов, иногда как гостей, а иногда в качестве представителей отлучившегося хозяина³.

«Русские ведомости» публиковали интересные наблюдения о раскольниках на Вятке. В одном из приходов Вятской губернии насчитывалось 5617 душ, из них раскольников по метрическим книгам — всего 78 человек. Однако, как выяснилось, настоящими православными являются менее 15 процентов населения, да и те, по признаниям местного духовенства, «очень ненадежны»⁴. Основная же масса принадлежит к различным беспоповским толкам («даниловцам», «федосеевцам», «игнатъевцам»). Причем их старообрядческие воззрения самым оригинальным образом перемешаны с элементами суеверия. Объединяющим началом для всех выступает неприятие священства господствующей церкви; богослужебные обряды у них заменены простыми молитвами и чтением книг, причем соответствующие разъясне-

¹ Монякова О.А. Ковровские старообрядцы и офени: грани взаимоотношений // Старообрядчество: история, культура, современность. — Великий Новгород, 2010. — С. 333.

² Церковно-приходская летопись Ковровского уезда Владимирской губернии. Л. 11–12 // Частное собрание настоятеля единоверческого храма г. Куровское Московской области о. Д. Кузнецова.

³ Отчет о состоянии Тульской епархии за 1900 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1871. Л. 142об-143об.

⁴ Добротворский Н. Раскольничья община на Вятке // Русские ведомости. — 1884. — 24 января.

ния по ходу чтения должны делать наставники¹. Кстати, наставником может быть всякий, обладающий знаниями; его избирает общее собрание. Расколоучителя в повседневной жизни занимают место приходского попа: проводят свои крестины младенцев, хоронят умерших, совершают браки; они пользуются большим уважением, потому что легко находят общий язык с крестьянами. Раскольники высоко чтут государя, но к ближайшему начальству относятся в высшей степени скептически, даже враждебно, величают власти «кровопийцами», «живодерами», «антихристовым семенем» и т.д.²

Подчеркнем, что по официальным документам конфессиональную принадлежность населения определить крайне сложно — о ней просто не упоминается. И прояснить, что же оно представляло собой в религиозном отношении, в отдельных случаях позволяет привлечение дополнительных сведений. Например, в волостях Орловского уезда Вятской губернии летом 1880 года произошли крупные беспорядки, связанные с работой землемеров, проводивших межевание угодий. Необходимость направить туда войска и продолжавшееся неповиновение крестьян привлекли внимание правительства. На архивном хранении находится целый том переписки различных должностных лиц относительно данного случая³. К счастью, этот эпизод получил освещение в петербургском издании «Голос», чей сотрудник вместе с чиновниками из столицы побывал в мятежном вятском уголке. Он рассказал обо всех перипетиях, не пренебрегая мелкими и ценными деталями. Их суть такова: крестьяне настроены против местного и столичного чиновничества, постоянно ожидают какого-то подвоха с их стороны. В то же время они убеждены в существовании указа царя «старину не ломать, рук не давать» (то есть не подписывать никаких документов), а кто поступит иначе, тот отойдет к чиновникам, министрам или будет записан под Синод! Среди населения циркулируют слухи, что всех хотят подписать под антихриста, и их не в состоянии опровергнуть никакая сила: всякого, кто попытается разубедить

¹ Добротворский Н. Раскольничья община на Вятке // Русские ведомости. 1884. — 26 января.

² Там же.

³ РГИА. Ф. 1291. Оп. 53. Д. 1.